

Сергей Е. Кузнецов

Итака, Нью Йорк, 8 ноября 1994 года

Е.Д.: Сегодня твой день рождения. Ну что ж, Расскажи для начала о своих предках.

С.К.: Отец мой из крестьян. Его дед, то есть мой прадед, был богатый крестьянин. По семейной легенде, он вовремя умер - где-то в году восемнадцатом.

Е.Д.: До того, как его раскулачили.

С.К.: Да. И по семейной легенде, когда он лежал в гробу, за ним пришли.

Е.Д.: Где это все было?

С.К.: Где-то в районе Ржева. Он нажил там большие деньги, держал трактир, торговлю – я точно не знаю. Мой дед по отцу – это его старший сын – был инженером –путейцем, если я правильно помню. А мой отец стал авиационным инженером. В годы войны он из Бауманского института перевелся в академию Жуковского. После того, как он ее закончил, он на фронте был в роли инженера аэродромного обслуживания, в боевых действиях не участвовал и остался в живых.

По линии своей мамы я знаю больше. Ее отец, то есть мой дед - на половину поляк – происходит из какой-то мелкопоместной семьи. Но поместье это было пропито моим прадедом еще до революции. Я помню прекрасно, как собирались сестры моего деда. У него было четыре сестры. Они страшно переживали, что поместье пропало. Вспоминали, какое оно было замечательное. Очень было любопытно на это смотреть. Но может быть и слава Богу, что оно было пропито. Потому что, когда пришла революция, мой дед по крайней мере в этом был чист. Всю свою жизнь он проработал статистиком в министерстве внешней торговли, занимая достаточно скромные посты. Он был беспартийным и верующим. Но как-то уцелел. Он вышел на пенсию в 1955 году.

Е.Д.: Это отец твоей матери.

С.К.: Да. А мать моей матери- моя бабушка - дочь священника. Ее отец умер очень молодым, оставив трех сирот после себя. Они не успели закончить образование до революции. Они родом из Ставрополя. Все мое старшее поколение дожило до глубоких лет за исключением дедушки, который умер в 80 лет от рака в 68 году, Все остальные умерли, когда им было за 90 лет.

Е.Д.: Так что у тебя хорошая наследственность.

С.К.: Да. Моя мама родилась в 19-ом году. Она – старшая дочь. Еще был брат, который погиб на войне, пропал без вести. Она сама потеряла на войне первого мужа. А с моим отцом она училась в одной школе, в одном классе. Мой брат родился в 46-ом, а я в 50-ом. Так что мне сегодня 44 года.

Е.Д.: С какого возраста ты себя помнишь?

С.К.: Я помню себя очень обрывочно. Я прекрасно помню комнату, которая реально существует до сих пор, комната в квартире, где мы сейчас живем. Был какой-то праздник. Я подхожу к столу и не вижу, что стоит на столе, потому что я мал ростом. И как я сейчас понимаю, после опыта воспитания троих детей, это означает, что мне где-то в районе полутора лет. Больше из этого возраста я не помню ничего. Более менее устойчиво я помню себя лет с семи, когда я пошел в школу.

Е.Д.: И ты был хорошим учеником?

С.К.: Лучше, чем мои дети.

Е.Д.: Понятно. Теперь расскажи про Вторую школу, про Вечернюю математическую школу.

С.К.: Это, конечно, был революционный момент в моей жизни. Тогда, я уж не знаю каким образом, мои родители узнали о существовании Вечерней школы – это 63 год. И вот очень издалека, из района Динамо до нынешнего универмага Москва – это было больше часа пути, мы раз в неделю начали ездить в эту школу - большой компанией в сопровождении кого-то из родителей. Это был для меня новый мир. Абсолютно ничего похожего на то, что я видел у себя в школе. Это меня очень увлекло. А потом, Евгений Борисович, я познакомился с вами и, как-то проявив себя должным образом, заслужил то, что вы мне предложили перейти через класс. Это надо было сделать, поскольку я был в седьмом, а во вторую школу принимали только в девятый класс. Я должен был сдать все за восьмой класс. Мне пошли навстречу, хотя ряд преподавателей потребовали, чтобы я сдал экзамены по всем предметам, которые только существуют. Кто-то мне шел навстречу, кто-то устраивал полноценные экзамены.

Е.Д.: Это было трудно?

С.К.: Я уже сейчас не помню. Это было так давно.

Е.Д.: Но тем не менее.

С.К.: Именно об этих временах я сейчас вспоминаю, как, возможно, о самой счастливой поре своей жизни.

Е.Д.: Но и потом были неплохие времена.

С.К.: Да, и тем не менее, это было что-то такое, что никогда не может повториться.

Е.Д.: Я помню, кто-то высказывал такое суждение, что это вредно для детей, когда их вырывают из нормального окружения, и они там чувствуют себя ...

С.К.: Может даже это я сказал.

.

Е.Д.: Ну вот.

С.К.: Я понимаю. Это, конечно, обратная сторона перехода через класс и расставания со своим поколением.

Е.Д.: А поколение – это одноклассники?

С.К.: Да. В этом возрасте это существенно. Лишние два года, я и так был на год, а может на полгода, но моложе своих сверстников, потому что я пошел в школу не полных семи лет.

Е.Д.: Да, и еще ты был такой малютка.

С.К.: Да, и это было. Физически и умственно я не очень был зрелым. Я все это на самом деле испытывал и позже, какое-то время ощущал.

Е.Д.: Ты думаешь, это баланс.

С.К.: Нет, сейчас о балансе как бы и речи нет. Баланс, бесспорно, со знаком плюс и с перевесом в несколько порядков. Сейчас я думаю, что многое оборачивается своей положительной стороной. Бог его знает, что бы было иначе, если бы я не расстался со своим поколением.

Е.Д.: Поколение – сильно сказано. Ну ладно. Теперь скажи мне, пожалуйста. Есть такие слухи, что даже во второй школе, причем специальной школе, таких маленьких мальчиков обижали. Просто потому, что они были маленькие.

С.К.: Трудно сказать. Времена второй школы, как бы ушли немножечко от меня. Я уже не очень помню, что там было плохого.

Е.Д.: Ну кто-то тебя там щипал или бил, я не знаю, что.

С.К.: Да, кажется что-то такое было. Но я сейчас об этом не помню. Удивительно, я недавно был на одной вечеринке. Там были люди не на много моложе меня – лет на шесть. Они очень живо вспоминали, как они поступали в университет, в институт. А я этого тоже уже не очень помню. Могу, конечно, вспомнить, как я поступил в университет – это было некое чудо, потому что я, действительно, сумел сдать

экзамены на две пятерки, и воспользовавшись тем, что у меня была медаль, поступить как бы без больших усилий.

Е.Д.: Но это тоже оправдывает мою политику. Ты знаешь, что моя политика была, дать как можно больше медалей.

С.К.: Да, да. Именно благодаря этой медали я столь легко поступил, когда, как я припоминаю, был двойной выпуск, полуторный только прием, конкурс был восемь человек на место. По письменной математике я имел пять. И было всего 50 пятерок на 750 принятых в итоге.

Е.Д.: Ну тебе еще повезло, что ты не еврей, конечно.

С.К.: Да, бесспорно.

Е.Д.: Но твоей заслуги в этом нет, но и моей заслуги нет. Но с другой стороны и вины нет.

С.К.: Но все-таки это был 66 год. Это те времена, когда эта проблема была не столь остра. Все же у нас на курсе, как мне кажется, было порядка 30%, я их, конечно, не считал, людей, которые так или иначе могли иметь проблемы.

Е.Д.: Частично, благодаря моим усилиям.

С.К.: Я считаю, что это нормально.

Е.Д.: Нет, но кто считает проценты. Нормально должны поступать те, кто этого заслуживает. Вспомни, что-нибудь из школьных времен.

С.К.: Ну что же – что-нибудь из школьных времен. В школьные времена я очень увлекался пиротехникой. Собралась компания, которая тоже очень любила это дело. Это были любопытные времена. Я мог прийти в магазин “рыболов-спортсмен» - вот такой мальчишка, на лице написано сколько лет. Больше 12, наверное, не дашь. И я приходил и говорил: -“Мне, пожалуйста, порошу.” А меня спрашивали:- “Вам дымного или бездымного?” Я говорил: -“Мне, пожалуйста, бездымного”. И шел платить в кассу. Я не помню, сколько это стоило, но по моим тогдашним деньгам это было вполне доступно. То есть порошу я мог накопить не знаю сколько.

Е.Д.: Но школу ты не взорвал.

С.К.: Да, и вообще счастливо ничего себе не выбил, не повредил. Мои товарищи были в этом плане большими специалистами. Они какие-то мощные ракеты делали. Причем все начинки для ракет можно было купить в хозяйственном магазине.

Е.Д.: Ну а как учебные дела? Да, еще мой зять, Саша Бариль, как известно, отличался на футбольном поприще.

С.К.: Футбольное поприще меня миновало. На настоящих футбольных полях я никак не мог себя проявить по физическим данным. Но с другой стороны, было очень популярно устраивать футбол в аудиториях, в классах, в больших залах, которые существовали во Второй школе в коридоре. В таком зале устраивался футбол – играли маленьким мячиком. По моему, стекла мы не били. Но на полу это сильно отражалось. И Владимир Федорович – директор – очень это не любил. Когда он появлялся в такие моменты, а это бывало, нам становилось неудобно.

Е.Д.: Но ты помнишь, когда он тебя вздрючил основательно?

С.К.: Да, конечно. Дело было как раз во время занятий вечерней математической школы. И преподаватели вечерней математической школы, к которым я принадлежал, (я в этот момент учился в 10-м классе и кружок вел, кажется, в восьмом) – то-есть я и мои одноклассники (тоже преподаватели) устроил веселый футбол, и Владимир Федорович появился. Не знаю, был ли он привлечен шумом или просто обходил помещения, но он появился и устроил нам большой тарарам. Мы прямо даже не знали, что делать, и с перепугу, позвонили, Евгений Борисович, вам. Может вы и помните.

Е.Д.: Конечно, нет.

С.К.: Вы нас, конечно, выручили. И наверно, не один раз выручали. Во всяком случае, он в следующий раз уже говорил с нами совсем в другом тоне –пожурил, но в существенно менее высоких тонах.

Е.Д.: Ну и как ты считаешь, сделал ли я большую ошибку, что заступался за этих маленьких озорников?

С.К.: Я был в их числе.

Е.Д.: Я понимаю, но сейчас, как ты считаешь? Может, надо было, наоборот, сказать: всыпьте им покрепче.

С.К.: Не было это большой ошибкой. Я не готов говорить за всех, но мне было достаточно. Он запугал меня тогда уже одним своим появлением. Я вообще был человек пугливый.

Е.Д.: Тебе не требовались более жесткие меры.

С.К.: И Владимира Федоровича я сейчас вспоминаю с самыми добрыми чувствами.

Е.Д.: Он был хороший человек и талантливый педагог и организатор.

С.К.: Как с педагогом, я с ним не сталкивался. Он не преподавал у нас. Но существование Второй школы – это не только его заслуга.

Е.Д.: Главным образом его.

С.К.: Для меня – это двойная заслуга: и ваша и его.

Е.Д.: Ну он меня привлек. Конечно, я был готов, к тому, чтобы меня привлекли. Ты не знаешь, что он делает сейчас?

С.К.: Нет не знаю. Я помню еще Леонида Михайловича Волова. И тоже его вспоминаю с самыми теплыми чувствами. Действительно, он создал нам такую обстановку в классе, которую трудно забыть.

Е.Д.: У нас была такая теория, что детей надо нежить. Что их еще жизнь будет бить в будущем, но пока надо, чтобы они набрались душевных сил для сопротивления злу и понимания, что не всюду зло господствует. А теперь расскажи, что ты помнишь из университетского времени.

С.К.: Что-то помню, но только отрывками. Ну помню ваш семинар.

Е.Д.: А я не помню. Что там было.

С.К.: Разные моменты помню. В том числе и не самые для себя приятные, когда я на задней парте с кем-то там играл не то в морской бой, не то в крестики и нолики. Скорее, в морской бой. Вы это обнаружили

Е.Д.: И всыпал.

С.К.: Да, и между прочим, за дело.

Е.Д.: Молодежи полезно. Ну а кроме?

С.К.: Первая работа печатная появилась именно на этом семинаре.

Е.Д.: Часто это бывало немножко подстроено.

С.К.: Ну конечно. И о научном ее значении я не питаю никаких иллюзий.

Е.Д.: В Америке это не работает, а в России работало. Нужна спичка, чтобы зажечь факел, а потом он сам будет гореть. Что это было, кстати?

С.К.: А задача была такая. В простейшей форме: есть решетка на плоскости, и есть направление, в котором мы можем двигаться, вернее не направление, а вектора, по которым мы можем сдвинуться на один шаг. Мы двигаемся, пока не достигаем границы области. Достигнув границы, мы получаем некоторую плату.

Как описать все решения? Возникают какие-то уравнения ...

Е.Д.: И это было опубликовано?

С.К.: Да, совместно с Сережей Натанзоном. В Сибирском математическом журнале. И для меня и для него это была первая печатная работа.

Е.Д.: И это вас вдохновило?

С.К.: Да, это все воодушевляет. Насколько я помню, Сабир Гусейн-Заде сделал свою первую печатную работу, во всяком случае написал ее, будучи еще школьником.

Е.Д.: Правильно.

С.К.: В каком-то смысле, я был еще слишком маленький. Я поступил на мех-мат в 15 лет. Более осознано к этому относиться я стал, когда мне было лет двадцать, когда я университет закончил.

Е.Д.: Ну хорошо, теперь скажи, как ты рассматриваешь настоящее начало своей карьеры научной.

С.К.: Это тоже любопытно. Все-таки начало научной карьеры это, конечно, первый год работы в ЦЭМИ, 71 год, когда я пришел на работу в ЦЭМИ.

Е.Д.: Были ли какие-нибудь сомнения, что надо туда приходить или оставаться в аспирантуре МГУ.

С.К.: Нет. Если бы не ваше приглашение в ЦЭМИ, я не знаю, как бы жизнь моя сложилась дальше. Но вот это произошло, и вы вели семинар у себя дома, в такой маленькой уютной комнате, с такой крохотной доской величиной чуть больше телевизора.

Е.Д.: И там участвовал кто?

С.К.: Участвовал я, участвовал Сережа Пирогов, который в ЦЭМИ, правда, не работал, Игорь Евстигнеев, Миша Таксар и по моему все на этот момент. Да, еще Сережа Натанзон, который был в ЦЭМИ в аспирантуре. И вы прочитали нам небольшой курс по своей статье об эксцессивных функциях и включили в него кучу проблем, нерешенных задач. Я, в каком-то смысле, немножко по школьному относясь к нерешенным проблемам, считал ...

Е.Д.: что надо к следующей неделе. Да?

С.К.: Да, совершенно верно. Я решил, что к очередному заседанию должен эти проблемы немножечко посмотреть. Перед очередным семинаром я посмотрел эти

проблемы, и вдруг неожиданно, одна проблема как бы поддалась. Но это всегда ведь так бывает, что какой-то решающий шаг придумывается в звездный час, ну не в звездный час, а в какой-то счастливый миг, что не долго времени занимает. А перед этим – ничего нет, и после может ничего не быть. И этот миг удалось поймать. Это было как раз построение марковского процесса со случайными моментами рождения и гибели.

Е.Д.: Kuznetsov measures.

С.К.: И конечно то, что это Kuznetsov measures, можно было бы и оспаривать. Исходный результат при ограничении, что полная мера конечна, это ваш. Мне удалось снять это ограничение. Именно это продвижение позволило охватить однородный случай.

Е.Д.: Правильно. И это наиболее важный случай, который все любят. Без этого маленького шага.., знаешь, как это американский космонавт сказал: маленький шаг для одного человека – большой прыжок для всего человечества. Это он о Луне.

С.К.: В каком - то смысле эту свою работу я считал бы первой, хотя формально она оказывается третьей. (Мы там по дороге с Игорем Евстигнеевым что-то соорудили в студенческие годы. Но того я не помню, а это помню.) Это, пожалуй, был решающий шаг для всей моей последующей научной жизни.

Е.Д.: Но теперь хочешь или не хочешь, но может быть стоит рассказать о том трудном времени, когда я эмигрировал, и что там происходило. Я бы не стал тебя об этом спрашивать в старые времена, когда бы ты чувствовал, что, рассказывая об этом, ты ставишь под угрозу свою жизнь и жизнь своей семьи. Сейчас это уже не так.

С.К.: Я бы все равно вам, наверное, рассказал, но пожалуй просил бы ...

Е.Д.: не записывать это.

С.К.: Ну, если и записывать”, то не показывать этого.

Е.Д.: Во первых, ты меня провожал и Игорь Евстигнеев тоже. И я уверен, что вы перед этим ночь не спали и после пару ночей не спали.

С.К.: Нет, это было бы преувеличением. Хотя я действительно, колебался.

Е.Д.: И волновался. Я бы волновался.

С.К.: Не знаю. Как я сейчас вспоминаю, меня в те времена, как-то не очень волнения посещали после того, как решение было принято. Сделал поступок – чего уж переживать.

Е.Д.: Наверняка кто-нибудь говорил: не надо ставить свою карьеру под угрозу.

С.К.: Нет, пожалуй, так никто не говорил. Да я ни с кем это не обсуждал. Я в какой-то момент решил, что попрощаюсь с вами до того, но потом решил, что я этого себе не прощу, если я туда не приду. И этот момент я помню. Это было 26-ого октября.

Е.Д.: Ну я не помню, конечно.

С.К.: Не помните?

Е.Д.: То что – октябрь, я помню.

С.К.: И этот момент был для меня ключевым. То есть несколько раз после этого я ловил себя на том, что хочу снять трубку и позвонить вам.

Е.Д.: Ты мне писал – это было героическим подвигом.

С.К.: Нет.

Е.Д.: Я храню все эти открытки.

С.К.: Не бог весть, какой героический подвиг, хотя я попросил вас, и довольно скоро, писать мне на домашний адрес. Это было вот чем вызвано. Я помню, вы прислали препринт своей статьи, и в него была вложена бумажка, такая записка о том как вы путешествовали и так далее. Порядок был такой: в институт почта приходит в иностранный отдел, там лежит, ты приходишь, за нее расписываешься. Она уже вскрыта, как водится. На сей раз мне почту просто принесли в мою комнату. По моему Марек Дубсон, окруженный толпой, принес мне ее, открыл конверт, достал эту записку и сказал: вот это все ты не читай, а читай сразу вот это. И показывал на последний абзац. И я понял, что то, что вы мне написали, читало я уж не знаю сколько людей, читали люди, про которых я не хотел, чтобы они читали нашу с вами переписку. После этого я попросил вас писать мне на домашний адрес. А ваши письма очень аккуратно до меня доходили. Я даже посылал вам книги, я не скажу – долгое время, но некоторое время, до тех пор пока не изменили порядок отправки книг за границу. На каждую отправляемую книгу нужно было получать разрешение от Ленинской библиотеки. Это уже как-то было больше, чем я в этот момент мог вынести. А так в общем все было очень мило. Я печатал свои статьи в “Теории вероятностей”, которая не требовала акта экспертизы. Акт экспертизы мне никто бы не подписал, как я сейчас понимаю. А если я пытался печататься не в “Теории вероятностей”, то конечно, ссылаться на вас было невозможно. И был придуман такой обходной вариант. Я писал там такую фразу, что мы не претендуем на полноту библиографии, а полную библиографию смотри там-то. В “Теории вероятностей”, например. И все это было ничего до тех пор, пока я не дошел до защиты докторской диссертации. По существующим правилам ...

Е.Д.: По существовавшим правилам, слава Богу.

С.К.: Между прочим, я не знаю, отменил ли их кто-нибудь. Я защищался в Вильнюсском университете. В ЦЭМИ никакого совета по математике не было.

Е.Д.: В Москве был Розанов.

С.К.: Да. Хотя Розанов достаточно в тот момент ко мне благоволил. Он был в дружеских отношениях с Айвазяном. (Айвазян мне тоже благоприятсивовал в тот момент.) И кроме того, Розанов как бы мне задолжал, потому что я редактировал его книжку по марковским случайным полям. Я Розанова, естественно, спросил о моей защите, как бы блюдя табель о рангах, что он считает. И он мне предложил защищаться либо в Московском либо в Киевском университетах. Я этот совет пропустил мимо ушей, а послушал Ширяева, который мне сказал, что надо защищаться в Вильнюсе. Он сказал, что если хотите, мол, пробуйте, но я вам не советую. Но проблема была в том, что мне надо было пройти, в числе прочих эпизодов, предзащиту в родном своем институте и получить там акт экспертизы на диссертацию. Без этого акта мне бы никто не подписал протокол о предзащите. А еще надо было, чтобы все основные результаты были опубликованы.

Е.Д.: Ты не мог напечататься в *Annals of Probability*...

С.К.: Нет не мог, конечно. Я напечатал вместо этого в ВИНТИ, в серии “Современные проблемы математики”. Но это издание требует акт экспертизы. А экспертная комиссия прекрасно знает фамилию Дынкин.

Е.Д.: Любит эту фамилию.

С.К.: Я подаю туда свои бумаги.

Е.Д.: Это в ЦЭМИ?

С.К.: Естественно – в ЦЭМИ.

Е.Д.: Ты можешь разоблачить имена?

С.К.: Да, честно говоря, я их не очень помню. Секретарь экспертной комиссии, это лицо, я думаю, абсолютенное, вторая ступень, некая Нина Максимовна, даже фамилии я ее не помню, которая выполняла роль технической. А кто ж стоял за этой компанией, я так и не знаю. Был формальный председатель комиссии, по моему в тот момент это был Шаркович. Понимаете, в экспертной комиссии были совершенно разные люди. Скажем, лет пять после защиты и я даже числился в этой комиссии, и мне присылали какие-то статьи.

Е.Д.: И ты действовал в соответствии.

С.К.: Я не знаю в соответствии или нет. Я подписывал, что все там можно печатать. Формально, я должен был ознакомиться с какой-то инструкцией в первом отделе. Но это уже был 87 год –началась перестройка. Формально акт экспертизы еще существовал, но правила, которые его регламентировали, видимо претерпели какие-то послабления. Я ничего не читал, ни с чем не знакомился. Я просто подписывал эти бумажки. И никакими вычеркиваниями при мне эта комиссия уже не занималась. А тогда, видимо, были другие инструкции, хотя непонятно, в чем они состояли. Короче говоря, комиссия мою книжку тогда завернула. И после каких-то полюбовных соглашений между собой они пришли к довольно нелепому варианту, в котором они мне подписали акт экспертизы на книгу. Ссылки на ваши работы были вычеркнуты наполовину. Я ссылался не на статью, допустим, Дынкин; Успехи мат наук; страницы такие-то, а я ссылался просто на Успехи мат наук, такие-то страницы. В таком виде акт экспертизы был подписан. Причем делалось все это очень серьезно. Мне был вручен экземпляр, который оставался на хранение в экспертной комиссии, и я на каждой строчке, где произошло какое-то вычеркивание, расписался. То есть, они меня могли припереть. Я принес это в ВИНТИ, показал, сказал, что акт экспертизы мне подписали только на этих условиях. Они сказали, что это какая-то глупость: мы восстановим. Я ответил: “Пожалуйста. Я вам принес оригинальный список литературы, просто чтобы вам не мучиться.” Они у меня взяли этот оригинальный список. Так книжка и вышла.

Е.Д.: И там кажется все нормально.

С.К.: Спустя несколько месяцев я принес туда диссертацию, и та же история повторилась с самого начала.

Е.Д.: Принес куда?

С.К.: В экспертную комиссию.

Е.Д.: В твой любимый ЦЭМИ.

С.К.: Да

Е.Д.: Ты бы уничтожил ЦЭМИ?

С.К.: Ну, я не знаю. От него и так мало чего осталось. Причем начальника первого отдела в это момент не было на работе. Он был где-то на отдыхе. И это было плохо, потому что он на самом деле человек был не такой плохой, Николай Николаевич Братченко, из полковников каких-то бывших. Он сочувствовал мне и никаких специальных гадостей не чинил. А замещал его человек, который всего боялся. Вся эта история повторилась на полную катушку. В предыдущей истории Братченко принял решение сам и разрешил подписать акт. На сей раз никто на себя решения брать не хотел. В эту историю влезли все, кому не лень – в том числе некий Маренич, тогдашний председатель месткома. И с подачи его, не знаю, может быть я напраслину на него возвожу, история, обсуждавшаяся на самых разных этажах

ЦЭМИ, в какой-то момент ушла из ЦЭМИ в ЦК. Это был для меня удар. Как это произошло, я знаю со слов Айвазяна, который, я думаю, искренне мне тогда помогал. С его слов это было так. История обсуждалась в кулуарах какого-то партийного собрания. А на партийном собрании присутствует инструктор ЦК, который прикреплен от ЦК к институту. И вот в ходе обсуждения, кто-то, вроде бы Маренич, сказал, а почему бы не спросить мнение инструктора ЦК. Это был некий Иванов. Не знаю, как его звали.

Е.Д.: Может быть Иван Иванович.

С.К.: И этого инструктора ЦК спросили, и он сказал, что должен посоветоваться. Забрал диссертацию. Понятно, что как он скажет, так и будет. И совершенно неожиданно, через неделю он вернул диссертацию с разрешением защищаться. Я был приглашен на заседание экспертной комиссии, услышал совершенно другие вещи, которые от них никогда раньше никто не слышал: официально можно ссылаться на все, что есть в Ленинской библиотеке в открытом доступе. Вот вы мол проверьте, что это есть в открытом доступе, и ссылайтесь. Но все равно экземпляр диссертации у меня забрали, и еще заставили меня вычеркнуть вашу фамилию из преамбулы к диссертации.

Е.Д.: Решили закрыть Америку.

С.К.: Нелепо, но так было. Я не стал ничего проверять в Ленинской библиотеке, честно признаюсь.

Е.Д.: Я всегда относился к этому спокойно, ты знаешь. Но негодными средствами заткнуть Ниагару невозможно.

С.К.: Я понимаю, да.

Е.Д.: Как там у Алексея Константиновича Толстого:

Брось же, Миша, устрашенья,
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой. (*)

---

*Послание о дарвинизме к М.Н. Лонгинову – начальнику Главного управления по делам печати в годы 1871-1875.) [Примечание, добавленное в 2010 году.]